Olga NEYASOVA

Materials for O. Karavaichuk's creative biography

For the 90th birthday anniversary

Oleg Karavaichuk, one of the most distinguished St. Petersburg-based composers, would have turned 90 years old this year. The article covers the major periods of his creative biography. The author uses materials from the archives of the Secondary Special Music School and the St. Petersburg Conservatory, where the composer studied, as well as materials in the media, related to O. N. Karavaichuk.

Keywords: O. N. Karavaichuk, S. I. Savshinsky, I. V. Stalin, P. A. Serebryakov, A. L. Barto, S. T. Richter, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Leningrad Conservatory, pianist, improvisor, performance, music for cinema and theatre.

Ольга НЕЯСОВА

Материалы к творческой биографии О. Н. Каравайчука

К 90-летию со дня рождения

Одному из самых необычных петербургских композиторов, Олегу Николаевичу Каравайчуку, в этом году исполнилось бы 90 лет. В статье освещаются основные этапы его творческой биографии. Автором привлекаются материалы из архивов петербургской Средней специальной музыкальной школы и консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, в которых композитор учился, а также посвященные О. Н. Каравайчуку публикации в СМИ.

Ключевые слова: О. Н. Каравайчук, С. И. Савшинский, И. В. Сталин, П. А. Серебряков, А. Л. Барто, С. Т. Рихтер, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, Ленинградская консерватория, пианист, импровизатор, перформанс, музыка для кино и театра.

Вот все хотят обнаружить ненормальные причины моей игры: то ли он сумасброд, то ли сумасшедший, раз у него наволочка на голове. Публика одурачена. Публика не понимает, что гений — это самый здоровый человек. У него самая здоровая кровь и самая здоровая психика.

О. Н. Каравайчук

Творческая личность Олега Николаевича Каравайчука удивительна и загадочна. Невероятный музыкальный энциклопедист, знавший наизусть огромное количество произведений, композитор-импровизатор, сочинявший и исполнявший музыку на глазах у слушателей, с наволочкой на голове или практически лежа перед роялем, чьи концерты превращались в перформанс с использованием видео и современной хореографии, был настоящей легендой в мире музыки и символом Петербурга. Каждое выступление Каравайчука было уникальным, он никогда себя не повторял. Одни называют его музыку гениальной, другие — бредом сумасшедшего. Сам о себе он говорил: «Гений — это род человека, который уходит в одиночество, в невероятно скромную жизнь и невероятное служение, преданность своей врожденности. Он, как цветок, который никуда не перебегает и ни к кому не стремится. Фиалка не стремится понравиться розе, та ее не поймёт. Фиалка только к фиалкам идет. Вот это чувство самопожертвования, оттого что ты рожден музыкантом или живописцем, оно и дает в итоге этот огромный цветок. Плод, который уже может быть и бессмертным» [8].

Жизнь Олега Николаевича была сложной. Годами его творчество было под запретом, семьи он не имел,

О. Каравайчук. 1959 год. Фото Н. Акимова

а непредсказуемость его поведения часто пугала общество. Он совершенно не заботился о своей внешности. Носил старый вытянутый красный свитер, черные ватные штаны, берет и темные очки. Зимой на ботинки надевал пакеты и обвязывал их веревочкой. Каравайчук шагал по улицам города гордой «подростковой» походкой, размахивая руками, тоненьким голосом бормоча что-то себе под нос. Благодаря необычному внешнему виду, он вызывал впечатление человека без пола и возраста. Неудивительно, что местная милиция часто забирала его в участок, приняв за шпиона, наркомана или бездомного. Но композитору было комфортно существовать именно так и никак иначе: «Я не эксцентричен абсолютно. Просто я непрерывно сочиняю. Естественно, на улице я кажусь немножко странным, у меня милиционеры при советской власти непрерывно спрашивали документы. А я попросту в этот момент работаю. Но поскольку люди постепенно стандартизировались, то сейчас любой человек, у которого есть хоть капля живой крови, будет казаться эксцентричным» [7]. Бытовая сторона жизни Олега Николаевича тоже мало волновала, он был очень непритязателен. Осознанный выбор композитора — жить, отказавшись практически от всех земных благ. Он постоянно что-то сочинял, слышал музыку, думал только о ней: «Я легко играю, я виртуоз — сверх, а непринужденность игры принимается людьми за высшую артистичность. Но я абсолютно безартистичен! Поэтому я надеваю на себя наволочку, чтобы внешний артистизм не соединяли с моей музыкой. Если у меня при этом будет открытое лицо, они мою мелодию по-другому воспримут. А мне важно, чтобы человек воспринимал не артиста, с гениальным артистизмом играющего гениально артистическую музыку, а чистые ноты. <...> ...Все остальное на земле мне скучно, вот я и пишу нотки. Нотки — это все-таки дело чистое» [7].

Родился Олег Каравайчук в Киеве 28 декабря 1927 года. В 1930 году семья переехала в Ленинград[1]. Его отец, Николай Андреевич Каравайчук, был профессиональным музыкантом, скрипачом, работал в оркестре «Театра юных зрителей»[2]. Мать, Надежда Акимовна Погорельская, имела высшее экономическое образование, работала в седьмой школе Василеостровского района[3] преподавателем иностранных языков[4], а в сложном 1942 году — гардеробщицей в консерватории[5]. Музыкальные способности будущего композитора обнаружились в раннем детстве. В четыре с половиной года он написал первое сочинение, «Элегию». «Я сидел играл на пианино, что-то проходило через меня, вдруг с кухни прибежал папа и сказал: „Ты композитор!“» [6]. В 1933 году, в возрасте 6 лет, Олег прошел прослушивание в детскую группу Ленинградской консерватории. Приемная комиссия дала такую оценку его выступлению: «Исполнение этим ребенком ряда произведений Моцарта, Шопена, Грига, а также и произведений своего сочинения обнаруживает его совершенно исключительную одаренность. Помимо исключительного музыкального слуха (абсолютный слух), памяти, ориентировки, его исполнения поражают непостижимой в столь раннем возрасте глубиной проникновения в музыкальную сущность и настроение исполняемых произведений, а также эмоциональной яркостью выражения. Его отношение к инструменту вскрывает богатую интуицию в области звуковых красок. Все сказанное заставляет признать его явлением, безусловно выдающимся, представляющим исключительную ценность и требующим особо бережного и внимательного к себе отношения»[6]. С этого момента началась его яркая и необычная музыкальная судьба. Каравайчук учился по классу фортепиано у профессора С. И. Савшинского, по классу композиции до 1939 года у Л. Л. Штрейхер[7], затем у М. О. Штейн-

[1] Анкетный лист О. Н. Каравайчука от 13.12.1945 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 113.
[2] Анкетный лист О. Н. Каравайчука от 13.12.1945 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 113.
[3] В настоящее время — гимназия № 642.
[4] Анкетный лист О. Н. Каравайчука от 13.12.1945 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 113.
[5] Автобиография Н. А. Каравайчук от 5.06.1942 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 20.
[6] Заключение комиссии по приему в детскую группу Ленинградской консерватории от 3.09.1933 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 145.
[7] Автобиография О. Н. Каравайчука от 1945 года // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 115.

берга[8]. В 1937 году, в возрасте 10 лет, юный музыкант впервые выступил на большой сцене — в Большом зале Московской консерватории, в дуэте со своим одноклассником Даней Шафраном. Они исполнили сочинение Олега Каравайчука — «Колыбельную песню».

В биографии композитора много тайн, белых пятен и легенд, порой сложно разобраться, где правда, а где вымысел в его невероятных историях. Например, когда Каравайчук был ребенком, его отца арестовали. Позднее Олег играл на рояле в Кремле перед Сталиным[9], и тому так понравился талантливый мальчик, виртуозно игравший сонату «Во славу Сталина», что он вознаградил юного музыканта роялем «Стейнвей». Если верить легенде, рояль был белым. Но сам Каравайчук утверждал, что «Стейнвей» был черный [8]. Этот случай, как он сам рассказывал, помог вытащить отца из лагерей.

Далее Олег продолжал обучение в школе-десятилетке, которая сформировалась тогда при Ленинградской консерватории. В 1940–1941 учебном году С. И. Савшинский записал в его индивидуальном плане следующий отзыв: «Успехи непрерывно делает. Работает недостаточно сосредоточенно. Отчасти это объясняется увлечением композицией, отчасти — переходным возрастом, отчасти — недостатком дисциплинированности. Нервно перевозбужден»[10]. Годом позже профессор отмечает: «Мучительно трудный рост, осложненный серьезным увлечением композиторской работой. Уверил себя, что пианистом все равно не будет»[11]. Возможно, уже тогда Олег стал усердно заниматься композицией. Так, на одном из школьных концертных выступлений в 6 классе Каравайчук, наряду с Экспромтом Ges-dur Ф. Шопена и «Сценой» из «10 пьес для фортепиано из балета „Ромео и Джульетта“» С. С. Прокофьева, исполнил три собственных миниатюры[12].

3 июля 1941 года Каравайчук вместе с мамой был эвакуирован сначала в Кострому, а затем в Ташкент[13]. В августе 1941 года основной состав студентов и сотрудников Ленинградской консерватории также был эвакуирован в Ташкент. В 1944 году Каравайчук был переведен в музыкальное училище при консерватории, которое окончил в 1945 году по классу фортепиано. В 1945–1951 годах, после окончания Великой Отечественной войны и возвращения из эвакуации, Каравайчук учился в Ленинградской консерватории, в классе профессора С. И. Савшинского. В годы учебы Олег вел себя неординарно. Он часто не сходился во мнениях с С. И. Савшинским. «Профессор начал учить меня верным интерпретациям. Я ему показываю, как чувствую, а он мне — как положено. Вот так и начались мои мучения. Как он меня ни долбил, внутренняя мощь музыкального чувства не позволяла мне принимать его. И я перестал к профессору ходить…» [6]. Самарий Ильич так отзывался о своем строптивом ученике: «Выдающийся музыкант. Очень яркий и своеобразный исполнитель. Техника значительно уступает и отстает от художественных намерений и замыслов»[14].

Своим любимым учителем Каравайчук называл маму: «Мама всегда просто рядышком садилась и не трогала меня, понимала, что я так музыку чувствую. Нельзя учить тому, что от Бога дано. Таких учителей я больше не встречал» [6]. Она всегда понимала и поддерживала Олега, никогда его ни к чему не принуждала, жалела и всячески оберегала своего сына, у которого было к тому же слабое здоровье. Именно благодаря своей матери Олег стал музыкантом. Олег страдал «резко выраженной возбудимостью ЦНС, легкой сердечно-сосудистой недостаточностью и некоторой общей физической недостаточностью. Ни в коем случае не должен был переутомляться. Желательно было максимально разгрузить его»[15]. Учитывая состояние его здоровья, на первом курсе ему разрешили свободное посещение занятий сроком на полгода. В 1946 году Олег был оставлен на второй год по болезни. В 1947 году переведен на второй курс, а в 1948 — на третий. Затем в 1949 году он был отчислен, а в 1950 году — восстановлен в консерватории. В конце учебного года его условно перевели на пятый курс, так как он имел академические задолженности[16]. «На общественной работе Каравайчук себя ничем не проявил и никакого участия в общественной жизни не принимал»[17]. Директор Ленинградской консерватории, Заслуженный деятель искусств, профессор П. А. Серебряков так характеризовал Олега: «Каравайчук очень одаренный музыкант. В его исполнении нездоровая аффектация, большое увлечение крайней резкостью при игре на инструменте. В игре много манерности. Может быть использован как концертмейстер и аккомпаниатор»[18]. В 1951 году Каравайчук был отчислен: он пришел на государственный экзамен, но отка-

---

[8] Автобиография О. Н. Каравайчука от 7.02.1944 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 128.

[9] Об этом говорит и В. В. Шахиджанян, который был знаком с О. Н. Каравайчуком лично // Олег Каравайчук (рассказ Владимира Шахиджаняна) [Видеозапись]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=IlxHbx8SxmQ (дата обращения: 20.08.2017).

[10] Индивидуальный план О. Н. Каравайчука. 1942–1943 учебный год // Архив ССМШ. Д. 653-К. Л. 227.

[11] Там же. Л. 229.

[12] Там же. Л. 227 об.

[13] Автобиография О. Н. Каравайчука от 7.02.1944 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 128.

[14] Экзаменационный листок. 3.10.1945 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 115.

[15] Медицинское заключение врача-педиатра, профессора А. Ф. Тура // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 130.

[16] Личная карточка учащегося // Архив СПбГК. Учебные карточки студентов отчисленных и окончивших консерваторию. 1947–1961. К1. Л. 242–245.

[17] Академическая характеристика О. Н. Каравайчука, подписанная председателем профкома Ленинградской консерватории Платоновым. 6.03.1951 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 121.

[18] Академическая характеристика О. Н. Каравайчука, подписанная директором Ленинградской консерватории П. А. Серебяковым. 6.03.1951 // Архив СПбГК. Д. 123. Л. 119.

зался играть перед комиссией. В 1952–1953 учебном году его восстановили, но из-за болезни государственный экзамен перенесли на осень 1953 года[19]. После нескольких скандальных выходок на концертах и на экзаменах в консерватории (например, Каравайчук выдавал собственную импровизацию за произведение Баха) его перестали пускать на большую сцену. В одном из интервью Каравайчук говорил про эти годы так: «Я ведь даже поступал на дирижерский факультет в Москве. *Меня тут гнали из Консерватории. Все время гнали, гнали, диплом не давали* (курсив мой.— *О. Н.*). Хотели даже загнать в Симферопольское музыкальное училище. Времена были суровые. 53-й год. И единственным моим спасением казалось — поступить в Московскую консерваторию на дирижирование» [9]. Но в Москву Олега Николаевича не взяли...

Каравайчук не хотел вписываться в социальную систему, в которой жил, которая оказывала сильное давление на культуру и творчество, которая требовала, чтобы он был концертирующим артистом (с установленной тарификацией), требовала прохождения нескольких комиссий в концертных организациях. Он всегда жил в своем собственном мире, ведомом ему одному. До конца жизни у него осталось негативное отношение к филармонии: «Если вы хотите понять, что такое абсолютная ложь о гении, идите в филармонию и слушайте симфонический оркестр. Там смотрят на дирижера, играют пафосно, я играю абсолютно прозаично. Великие композиторы слышат в себе абсолютный оркестр, который ничего общего с реальным не имеет» [5]. В начале 1960-х годов состоялось единственное публичное выступление Олега Николаевича на сцене Ленинградского концертного зала[20], едва не закончившееся скандалом, и в следующий раз с широкой аудиторией Каравайчук встретился лишь спустя двадцать лет: 25 апреля 1984 года на сцене Дома Актера имени К. С. Станиславского. Тогда он выступал как пианист-виртуоз перед артистами ленинградских театров, исполняя музыку Бетховена и Мусоргского. Вплоть до 1990 года концерты Каравайчука запрещались, семья подвергалась преследованиям. Вероятно, по этой причине композитор стал избегать излишнего общения. В результате такого отношения к самому дорогому для композитора — его творчеству — Каравайчук начал вести замкнутую жизнь. Пускал он в свой дом только близких ему людей.

В этот нелегкий жизненный период творческой отдушиной композитора стала киномузыка. Это была целая эпоха, отдельная веха в его жизни, которая длилась почти 30 лет. В 1952 году на «Ленфильм» приехала А. Л. Барто и «забраковала» музыку, написанную к фильму «Алеша Птицын вырабатывает характер», сценаристом которого она была. Каравайчук хотел предложить ей свою музыку к фильму, но без протекции не мог попасть на киностудию. Тогда он поехал в Москву к Барто, где и состоялась их встреча. Поэтесса по достоинству оценила творчество молодого композитора и с восторгом приняла его музыку к фильму. Агния Львовна посоветовала обратиться к композитору Моисею Вайнбергу, чтобы в его лице найти «покровителя». Каравайчук сыграл симфонию Вайнберга наизусть «страница за страницей», и, конечно, именитый композитор помог молодому таланту в продвижении. Олег Николаевич вспоминал: «Я понял, что могу писать для кино и содержать семью, так как папа был уже старенький, а мама получала очень мало в школе. И с тех пор пошла моя довольно ровная трудовая жизнь. Одновременно я сочинял для себя музыку» [3].

Олег Николаевич написал музыку более чем к 100 игровым и документальным фильмам. Среди них «Два капитана» (1955) В. Я. Венгерова, «Люблю тебя, жизнь!» (1960) М. И. Ершова, «Поднятая целина» (1959–1961) А. Г. Иванова, «Короткие встречи» (1967) и «Долгие проводы» (1971) К. Г. Муратовой, «Секундомер» (1971) Р. П. Эсадзе, «Монолог» (1972) и «Чужие письма» (1975) И. А. Авербаха и многие другие. Он сотрудничал с Иосифом Хейфицем, Сергеем Параджановым, Василием Шукшиным. Работа с Андреем Тарковским не состоялась из-за личной обиды режиссера. Каравайчук, будучи человеком открытым, сказал Тарковскому, что ему вовсе не понравился «Солярис» из-за сильной смысловой загруженности сюжета. «Экран должен просто показывать что-то. А когда там идеи начинаются — это уже не кино, а трибуна» [1],— так считал композитор. Впоследствии Каравайчук из-за этого сильно переживал и сожалел, что не удалось в свое время поработать с Тарковским. В нескольких фильмах Олег Николаевич выступил как актер в эпизодических ролях. Еще в детстве он снялся в легендарной картине «Волга-Волга» (1938) Г. В. Александрова. В фильме «Люблю тебя, жизнь!» молодой Каравайчук играет роль пианиста Олега, а в «Секундомере» — продавца в магазине «Старая книга».

Олег Николаевич писал музыку для театральных постановок. Его музыка звучит в спектакле «Бесы» (1991) Льва Додина, поставленном на сцене Малого драматического театра Санкт-Петербурга, в Московском театре юного зрителя — в спектакле «Пушкин. Дуэль. Смерть» (1999) Камы Гинкаса. В Александринском театре Петербурга — в спектакле «Изотов» (2005) Андрея Могучего. В спектакле молодого режиссера Ивана Орлова «Машенька» (2014), поставленного по Набокову, в Театре имени Моссовета, музыку Каравайчука вживую исполняет небольшой оркестр. На заказ Каравайчук работал часто, но исключительно с теми проектами, которые были по душе ему самому: материальные цели он никогда не преследовал, легко отказывался от выгодных проектов, даже если совсем не было денег, и ни к кому

[19] Личная карточка учащегося // Архив СПбГК. Учебные карточки студентов отчисленных и окончивших консерваторию. 1947–1961. К1. Л. 242–245.

[20] В настоящее время — Концертный зал у Финляндского вокзала.

не шел на поклон. Работал он только тогда, когда ему давали полную свободу, не угнетая советами и нравоучениями. Даже при записи киномузыки композитор всегда требовал, чтобы режиссер уходил. Погруженность и предельная самостоятельность работы для композиторов, конечно, не редкость, но характер Каравайчука было трудно выдержать. Однако на киностудии «Ленфильм» его музыку очень любили: в ней была внутренняя красота, сияние и сила. Каравайчук сочинял постоянно, ему не требовалось много времени для написания сочинения. «Я обычно писал картину за два дня до ее сдачи в худсовет. Садился за рояль и прямо сразу — раз. Некоторые фильмы даже до этого не смотрел» [2]. Музыка была его жизнью. Кажется, что сам Каравайчук состоял из нее на все 100%. «Я пишу сразу, не отрывая руки, как бы сбрасываю с себя музыку, будто бы она мне лишняя, я ее не люблю» [7]. Возможно, такой потоковый процесс сознания спровоцировал запись нот на… обоях! Ведь так удобнее! «Я очень быстро сочиняю, поэтому тонкие расстояния между нотными линейками годны для меня только при переписке. Но и Чайковский линеил, и Бетховен, и Шуберт — все сами линеили. Они писали в больших записных книжках из хорошей бумаги. И там у них очень широкие линейки. А я линею на обоях, потому что это дешевле — а то бы на ватманской бумаге писал» [7].

Каравайчук был блестящим импровизатором, музыка рождалась у него буквально под пальцами, здесь и сейчас. «В момент сочинения я не наслаждаюсь, музыка идет мимо меня, а я сам скучаю. Иногда даже меня спрашивают, когда видят в таком состоянии: не скучаю ли я и не играю ли дрянь. Когда я только сыграл музыку для „Потемкина“[21], тоже думал, что вышла дрянь, но день на шестой-седьмой понял, что гениальную, бессмертную музыку сочинил. Я стараюсь о музыке не думать. Иначе она передает психологию человека. Единственное, что я понял за свою жизнь, — что нота, обогащенная психологией, философией, пусть они даже великие, — она хуже, чем просто нота. Нота в миллионы раз выше человеческой психологии. Поэтому о музыке нельзя думать. Играешь себе, и все. Ни чувствовать, ни романтизировать, ни идеи вкладывать — взял и сыграл» [1]. Композитор Александр Маноцков говорил о нем: «Имело значение не то, как именно он располагал ноты во времени. Важно, что он транслировал через эти сочетания нот, это очень мощно. Музыкальный материал его нарочито цитатен, но суть не в материале, а в том, как он играл, каким образом приводил рояль в резонанс. Его наследие — это скорее непрекращающееся эхо его живой игры, чем материал, который мог бы сыграть и кто-то другой. Важно, что это делал именно он. Этот тип музыканта встречается очень редко: человек одновременно является и композитором и исполнителем, и до такой степени это нераздельно, что ему даже не нужно заранее сочинять. Если занотировать его импровизацию и предложить сыграть даже очень хорошему пианисту — ничего не получится» [8].

Фото Ю. Белинского

Олег Николаевич был человеком настроения. Об этом говорит его музыка. На то, какой она будет, могли повлиять многие факторы: погода, прохожий на улице, которого он встретит по дороге на концерт, и вообще все, что его окружало. Часто случалось, что из-за отсутствия настроения или по каким-либо другим причинам Каравайчук мог просто не явиться на концерт, даже если его ждал полный зал. Иногда он садился за инструмент и долго пытался начать что-то играть; если, по его мнению, выходило что-то не то, раздражался, отказывался играть, вставал и просто уходил. Например, в 2012 году испанский режиссер Андрес Дуке организовал Олегу Николаевичу поездку в Мадрид. В рамках этой поездки, кроме посещения музея Прадо, было запланировано выступление перед королевой. Но, выглянув из-за кулис, маэстро сказал: «Нет, я, наверное, не буду выступать». И не вышел на сцену. Так же было и на концерте в Москве в Центре современной культуры «Гараж». Олег Николаевич долго блуждал между рядов и говорил: «Зачем вы сюда пришли, послушать идиота?» Потом все-таки вышел на сцену, очень коротко что-то сыграл и опять стал рассуждать о том, что все вокруг идиоты, потому что пришли его слушать [4]. Музыкальный критик Дмитрий Ухов вспоминает, как однажды Каравайчука попросили написать музыку для балета. Олег Николаевич

[21] «Броненосец „Потемкин“» (1925) — немой фильм С. М. Эйзенштейна, к которому О. Н. Каравайчук написал музыку. Каравайчук считал свою музыку к фильмам Эйзенштейна («Стачка» — 1924, «Октябрь» — 1927, «Бежин луг» — 1935) лучшей из всей написанной им, но она осталась неизданной.

не успел сделать это к указанному сроку, и тогда пришлось нанять другого автора, который дописал балет. Не согласившись с небольшими изменениями в балете, Каравайчук отказался от авторства. Когда с ним стали спорить, Олег Николаевич сказал: «Хорошо, тогда мой псевдоним — Федор Отказов» [2]. Именно эта фамилия и значится в партитуре балета «Клоп» до сих пор.

Большую часть жизни Каравайчук прожил в статусе непризнанного гения. В конце 1989 года Каравайчук, оказавшись в Лондоне, позвонил на BBC, в службу, вещающую для русской аудитории, и предложил записать беседу с ним. Необыкновенный и эксцентричный музыкант привел в восторг радиоведущих и слушателей радио своей энергией. Позднее его по достоинству оценили и на родине, признали его талант и даже гениальность.

Во времена перестройки, когда разрушались ценности советской системы, Каравайчук стал героем, воплощавшим происходящие перемены, так как был человеком необыкновенным, не похожим ни на кого. Время менялось, многое и многие менялись вместе с ним, лишь Каравайчук не менялся: он продолжал жить в своем мире. Он никогда не зависел от времени. Складывалось ощущение, что Каравайчук был всегда и будет всегда.

С распадом СССР он стал культовой фигурой в ленинградском авангарде. К нему, наконец, пришла слава. В последние годы жизни Олега Николаевича много снимали, записывали. В 2007 году был снят небольшой фильм, действие которого происходит в Эрмитаже. Композитор играет на рояле, принадлежавшем Николаю II, напевает, проверяя акустику музейных залов, рассуждает о музыке. Каравайчук — единственный музыкант, которому позволили играть на рояле Николая II в Малиновом кабинете Зимнего дворца. В 2009 году снято выступление, посвященное 200-летнему юбилею Гоголя. Игра маэстро прерывалась его философскими рассуждениями о Гоголе, литературе, жизни. С 2010 года его записывали каждую неделю — на площадке Российского географического общества, в Эрмитаже, Музее-квартире И. И. Бродского и Музее Фаберже, куда по просьбе маэстро перевезли концертный рояль [4]. Любое выступление композитора становилось событием. Это были не обычные концерты, а каждый раз новая импровизация в манере, свойственной только ему одному. Он смешивал свои собственные сочинения с бессмертными произведениями классиков, постоянно запутывая слушателя. Даже самое опытное ухо часто не способно было различить, где, например, заканчивается Вагнер и начинается Каравайчук. Невозможно было отвести взгляд от его рук, которые плели каждый раз новое музыкальное полотно. Концерты Каравайчука — это всегда спектакль, «сумасшедший гений» раз за разом продолжал удивлять публику: он мог играть лежа на кушетке перед роялем или навалившись на рояль, с закрытыми глазами или с наволочкой на голове. А то вдруг вскочить и станцевать со шваброй... В 2012 году вышел фильм-концерт «Олег Каравайчук. Опоясывающий менестрелей» Д. Н. Вологдина, где Олег Николаевич ходит по Эрмитажу под звуки своей музыки и делится мыслями. 2 февраля 2016 года в Испании состоялась премьера документального фильма режиссера Андреса Дуке — участника и призера международных фестивалей — «Олег и редкие искусства». В России фильм был впервые показан на Beat Film Festival 27 мая 2016 года. Олег Николаевич посмотрел фильм и остался доволен.

Творчество Каравайчука высоко ценил Святослав Рихтер. Когда он приезжал в Петербург, то всегда приглашал к себе Олега Николаевича, чтобы тот поиграл для него на рояле. Рихтер мог слушать композитора часами и говорил, что только музыка Каравайчука его не утомляет. Олег Николаевич также импровизировал на темы Рихтера. Каравайчук был очень дружен с Сергеем Курехиным, творчество которого считал гениальным.

Несомненный талант Олега Николаевича был отмечен некоторыми наградами. В 2002 году за музыку к фильму «Темная ночь» он получил премию «Золотой овен». В 2009 году — премию Сергея Курехина «За заслуги в развитии современного искусства». В 2010 году маэстро номинировался на музыкальную премию «Степной волк» [22] в категории «Нечто особенное».

В конце 2015 года при поддержке петербургских меценатов был создан Фонд поддержки культурных проектов и сохранения наследия Олега Каравайчука, учредителем которого стал сам композитор. Основная задача Фонда — реставрация старых записей, создание медиаархива, а в перспективе — музея.

Утром 13 июня 2016 года Олега Николаевича Каравайчука не стало. Он перенес воспаление легких, а незадолго до смерти у него случился инсульт. Похоронили его в Комарово, где музыкант жил долгие годы.

О. Н. Каравайчук прожил длинную трудную, но яркую жизнь. После него осталось много записей, много ценных аудио-, видеоматериалов и рукописей, которые находятся в архивах Фонда Каравайчука и у друзей Олега Николаевича. А ещё — музыка, записанная на кинолентах, и несколько студийных записей, вошедших в состав двух музыкальных сборников: Concerto Grosso и Вальсы и антракты. Олег Николаевич очень хотел, чтобы все его записи были изданы. Генеральный директор музыкальной компании «Бомба-Питер» Олег Грабко на своей странице ВКонтакте написал, что в 2017 году на дисках выйдут четыре альбома с неизданными произведениями гениального петербургского пианиста и композитора-импровизатора. Сначала — альбом с композициями, которые Каравайчук написал к фильму Сергея Эзенштейна «Броненосец„Потемкин“», затем — альбомы «Паранджа», «Броненосец „Потемкин“, альтернативная звуковая дорожка» и «Лёха Никонов и Каравайчук». С нетерпением будем ждать.

[22] Музыкальная премия, учрежденная в 2008 году Центральным домом художника, Московским Международным Открытым Книжным Фестивалем и музыкальным критиком Артемием Троицким.

Литература

1. Быков Д. Олег Каравайчук. Рояль в устах [Электронный ресурс] // Rolling Stone Russia. 2010. 25 февраля. Режим доступа: http://www.rollingstone.ru/music/interview/8392.html (дата обращения: 27.08.2017).
2. Ванина Е. Кто такой Олег Каравайчук [Электронный ресурс] // Афиша Daily. 2016. 14 июня. Режим доступа: https://daily.afisha.ru/music/5-pobeg-iz-karavajchka/ (дата обращения: 23.08.2017).
3. Голоса из архива. Олег Каравайчук. Видеопроект русской службы BBC [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/features-37589339 (дата обращения: 20.08.2017).
4. Денисова И. Трудно быть богом [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2016. 14 июня. Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/27795647.html (дата обращения: 20.08.2017).
5. Петрова Е. Олег Каравайчук [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/music/composer/karavaichuk/ (дата обращения: 19.08.2017).
6. «Фрейд научил искать патологические причины гениальности» [Электронный ресурс] / Интервью с О. Н. Каравайчуком. Беседовал А. Савельев // Interview. 2016. 26 августа. Режим доступа: http://www.interviewrussia.ru/music/oleg-karavaychuk-freyd-nauchil-iskat-patologicheskie-prichiny-genialnosti (дата обращения: 15.08.2017).
7. Циликин Д. «Я не сюда родился» [Электронный ресурс] // Ведомости. 2005. 19 сентября. № 1455. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2005/09/19/ya-ne-syuda-rodilsya (дата обращения: 27.08.2017).
8. Шенкман Я. Независимее независимых. Памяти легендарного композитора Олега Каравайчука [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. 14 июня. Режим доступа: https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/06/14/68931-nezavisimee-nezavisimyh (дата обращения: 30.08.2017).
9. «Я ноты записываю на обоях» / Интервью с О. Н. Каравайчуком. Беседовал А. Измаилов // Вечернее время. 2004. 27 сентября. С. 12.

Gennady BELOV

A photo, taken half a century ago

G. G. Belov, who is a composer and Professor of the St. Petersburg Conservatory, talks about one group photo from his personal archive featuring E. A. Mravinsky. He recalls his experience of conversations with the outstanding conductor shares his thoughts on his personality and works.
Keywords: E. A. Mravinsky, D. D. Shostakovich, M. L. Rostropovich, A. P. Petrov, V. N. Salmanov, B. A. Arapov, E. A. Serov, L. A. Shinder, G. I. Fyrtich, P. A. Serebryakov, R. L. Zusman, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, Leningrad Conservatory, Grand Hall of the Leningrad Philharmonia.

Геннадий БЕЛОВ

Фотография полувековой давности

Композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории Г. Г. Белов рассказывает об одной групповой фотографии из своего личного архива, на которой присутствует Е. А. Мравинский. Геннадий Григорьевич вспоминает об опыте общения со знаменитым дирижером, делится размышлениями о его личности и творчестве.
Ключевые слова: Е. А. Мравинский, Д. Д. Шостакович, М. Л. Ростропович, А. П. Петров, В. Н. Салманов, Б. А. Арапов, Э. А. Серов, Л. А. Шиндер, Г. И. Фиртич, П. А. Серебряков, Р. Л. Зусман, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, Ленинградская консерватория, Большой зал Ленинградской филармонии.

Сейчас, когда я показываю этот снимок, сделанный после концерта в Малом зале консерватории,— своим ли сверстникам, студентам или людям среднего возраста,— все сразу узнают фигуру Евгения Александровича Мравинского (стоит второй справа). Конечно, на фото еще присутствуют музыканты весьма высокого достоинства (особенно во втором ряду): по краям расположились композиторы Андрей Павлович Петров и Вадим Николаевич Салманов, в середине — композитор Борис Александрович Арапов и скрипач Лев Абрамович Шин-